

ХАНТЕР С.
ТОМПСОН

РОМОВЫЙ
ДНЕВНИК

18+

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Хантер Томпсон
Ромовый дневник

«АСТ»

1998

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Coe)-44

Томпсон Х. С.

Ромовый дневник / Х. С. Томпсон — «АСТ», 1998 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-085519-3

Пуэрто-Рико. Остров, на котором невозможно работать – а можно сойти с ума, спиться или влюбиться. Или все сразу. Здесь теплая компания журналистов коротает время в местном кабаке, где они методично наливаются ромом и ведут беседы о том, как дошли до жизни такой. Здесь молодой репортер Пол Кемп получает важные профессиональные и жизненные уроки. Здесь скучно и нечего делать. Именно поэтому то, что начиналось как ленивый южный адюльтер, семимильными шагами мчится к настоящей трагедии... Любовь, выпивка, смерть – а что, собственно, нужно еще?

УДК 821.111(73)-311.2

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085519-3

© Томпсон Х. С., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Один	9
Два	21
Три	27
Четыре	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Хантер С. Томпсон

Ромовый дневник

Посвящается Хайди Опхайм, Мэрисю Руд и Дейне Кеннеди

*Всадник мой с глазами ясными,
Что случилось с тобой вчера?
Покупала тебе я обновочки,
Все гадала: вернешься когда?
Твой гнедой уж здесь; седло алое.
«От крови», – подсказала родня.
Я-то верила: во всем свете нет
Никого, кто сильнее тебя.*

Черная Айлин О'Коннелл, 1773 г.

Hunter S. Thompson

The Rum Diary

Перевод с английского

Печатается с разрешения The Estate of Hunter S. Thompson и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© The state of Hunter S. Thompson, 1998

Сан-Хуан, зима 1958 г.

В начале пятидесятых, когда Сан-Хуан еще только становился туристским городом, экс-жокей по имени Ал Арбонито построил бар на заднем дворе своего дома, что стоял на Кайе-О'Лири. Он назвал его «Алов дворик» и повесил вывеску над парадным входом, со стрелкой, указующей на проход к патио¹ между двумя полуразвалившимися халупами. Поначалу он торговал только пивом, по двадцать центов за бутылку, и ромом: дайм² за стопку, или пятнарик, если со льдом. Спустя несколько месяцев он стал подавать гамбургеры, которые сам же и готовил.

Уютное было местечко для выпивки, особенно по утрам, когда солнце еще прохладное, а с океана наползает солоноватый туман, придающий воздуху бодрящий здоровый привкус, который на короткие ранние часы удерживал свои позиции против душиного, потогонного пекла, к полудню бравшего Сан-Хуан в клещи и державшегося часами после вечерней зари.

¹ патио (исп.) – открытый внутренний дворик.

² дайм – десять центов.

По вечерам здесь тоже было неплохо, хотя и не столь прохладно. Порой с моря поднимался бриз и, как правило, не обходил бар стороной благодаря отличному местоположению: «Алов дворик» стоял на самой верхушке холма Кайе-О'Лири, до того высоко, что если б в стенах патио имелись окна, можно было бы увидеть весь город у подножия. Впрочем, стена была сплошной и толстенной, так что смотреть оставалось только на небо да на рожищу банановых деревьев.

Шло время; Ал приобрел новый кассовый аппарат, потом купил складные деревянные столики для патио и, наконец, перебрался с семьей из дома на Кайе-О'Лири в пригородный urbanización³, что возле аэропорта. Он нанял детину-негра по кличке Трубочист, который мыл посуду, разносил гамбургеры и в конечном итоге выучился стрелять.

Свою старую гостиную Ал превратил в крошечную таверну с «живой» музыкой, причем пианист у него был из Майами: худющий печальноликий мужчина по имени Нельсон Отто. Инструмент поставили на полпути между коктейльным салоном и патио. Это был древний кабинетный рояль, окрашенный в светло-серый цвет и покрытый специальным шеллачным лаком для защиты от соленого воздуха – и семь дней в неделю, на протяжении всех двенадцати месяцев бесконечного карибского лета, Нельсон Отто сидел за клавишами, смешивая собственный пот с вымученными аккордами своей музыки.

В туристическом бюро любят вещать о прохладных пассатах, которые днем и ночью, круглый год ласкают-де берега Пуэрто-Рико, однако Нельсон Отто, судя по всему, был тем человеком, до которого пассаты добраться не могли. Час за часом сидел он в спертom, душном воздухе, наигрывая каденции затасканного репертуара из блюзов и сентиментальных баллад, покамест пот пропитывал подмышки цветастых хлопковых батников и капал с подбородка. Он вовсю честил «хреново пекло», да с таким жаром и ненавистью, что порой вконец портил мирный настрой заведения; народ даже вставал и уходил в соседний «Фламбойан-лаунж», где бутылка пива стоила шестьдесят центов, а стейк шел по три с полтиной.

Когда бывший коммунист по фамилии Лоттерман пожаловал из Флориды и взялся издавать «Сан-Хуан дейли ньюс», «Алов дворик» превратился в англоязычный пресс-клуб, потому как никто из журналистских перекачи-поле и мечтателей, прибывших работать на новую газету Лоттермана, не мог позволить себе посидеть в дорожных барах типа «Нью-Йорк», которые там и сям выскакивали в городе как неоновые поганки. Репортеры дневной смены и клерки толпами вваливались примерно в семь, а полуночники – то бишь ведущие спортивных колонок, редакторы и верстальщики – обычно прибывали en masse⁴ где-то к двенадцати. Порой у Ала назначались и свидания, хотя обычным вечером любая девушка смотрелась здесь редкостной и эротичной штучкой. Белых женщин в Сан-Хуане вообще насчитывалось маловато; по большей части это были либо туристки, либо шлюшки, либо стюардессы. Неудивительно, что они предпочитали казино или бар-террасу в «Хилтоне».

Кто только не шел работать в «Дейли ньюс»: разношерстная публика от диких младотурков, хотевших разорвать мир напополам и начать все заново, до усталых «негров» от журналистики с пивными животиками, которые ничего так не хотели, как дожить оставшиеся деньки в покое, пока шайка оголтелых психов не разорвала мир напополам.

В их лице была представлена вся палитра, от подлинных талантов и честнейших душ до дегенератов и безнадежных неудачников, едва ли способных заполнить словами почтовую открытку... Хулиганистые оболтусы, беглые преступники и опасные пьяницы; один кубинец, мелкий магазинный вор, вечно таскавший пистолет под мышкой; слабоумный мексиканец, растлитель малолеток; сутенеры, педерасты и прочие язвы – если не сказать твердый шанкр

³ Urbanización (исп.) – квартал новостроек; жилой массив.

⁴ En masse (фр.) – толпой; скопом.

– на теле человечества. Все они держались недолго, пока не зарабатывали на авиабилет и несколько стопок выпивки сверху.

С другой стороны, имелись и такие, как Том Вандервиц, который позднее трудился в «Вашингтон пост» и получил Пулитцеровскую премию. А еще был человек по фамилии Тиррелл, нынешний редактор «Лондон таймс», вкалывавший по пятнадцать часов в сутки лишь бы не дать газете загнуться.

К моменту моего появления «Дейли ньюс» исполнилось три года, и Эд Лоттерман был на краю нервного срыва. Если послушать его заявления, так могло показаться, что он сидит на каждом перекрестке и самого себя видит триединым сочетанием Господа Бога, мистера Пулитцера и Армии Спасения в одном лице. Он частенько говаривал, что если бы все те люди, что работали на его газету на протяжении прошедших лет, в один прекрасный день предстали перед тронном Вседержителя – то есть если бы они там встали и пересказали историю своей жизни со всеми вывертами, преступлениями и сдвигами по фазе, – то сам Господь выдрал бы себе половину волос и свалился в обморок.

Понятное дело, Лоттерман преувеличивал; в своей филиппике он забыл про славных и добрых людей, а вещал лишь про тех, кого именовал «винными башиками». Впрочем, таковых было отнюдь не мало, и они представляли собой странную и буйную гоп-компанию. В лучшем случае на них нельзя было положиться, а в худшем... Да что там говорить: пьянь, грязь – и доверия меньше чем козлам-провокаторам. Хотя они все же умудрялись держать газету на плаву; а свободное время многие из них убивали за выпивкой в «Аловом двореке».

Они взвыли и забрюзжали, когда Ал – «в припадке жадности», если верить недоброжелателям – поднял плату за пиво до четвертака; и продолжали ныть, пока он не додумался припилиить листок с ценами на спиртное в «Карибском Хилтоне». Прейскурант конкурентов был накорябан черным карандашом и висел на виду за барной стойкой.

Коль скоро газета функционировала в качестве расчетной палаты для всякого писаки, горе-фотографа и полуграмотного мошенника, заброшенного судьбой в Пуэрто-Рико, Ал решил извлечь не вполне очевидную выгоду и от этого направления бизнеса. Ящичек под кассовым аппаратом был вечно набит неоплаченными счетами и письмами со всего света, заверявшими «погасить долг в близком будущем». Бродячие журналисты – народец жуковатый и любит «кинуть», к тому же солидный непогашенный счет за барные посиделки может смотреться модным бременем в глазах тех, кто путешествует по этому неприкаянному миру.

Собутыльников в те времена хватало с избытком. Такие знакомства длились недолго, зато народ валил толпой. Я их именую бродячими журналистами, потому как не получается подобрать иного, столь же удачного термина. И каждый из них – уникум в своем роде. Профессиональные извращенцы, хотя отдельные их черты были общими. Они зависели – по большей части по привычке – от журналов и газет, приносивших подавляющую часть средств к существованию; их жизни были «заточены» под сомнительные шансы и внезапные перемещения; и еще они не знали верности какому бы то ни было флагу, а из всех валют ценили только удачу да связи.

В кое-ком имелось больше от журналиста, нежели от бродяги, другие были скорее бродягами, чем журналистами, но все они – с небольшими, впрочем, исключениями – работали внештатниками, фрилансерами и почти что «нашими зарубежными корреспондентами», которые, в силу той или иной причины, обретались на далеком расстоянии от журналистского истеблишмента. Их не назовешь усердными дятлами или ура-патриотическими попугаями, что заполняли собой штат рутинерских газет и еженедельников империи Люса⁵. Не того полета птички.

⁵ Люс, Генри Робинсон (1898–1967): издатель «Тайм», журнала «Форчун», иллюстрированного еженедельника «Лайф». Закоренелый консерватор республиканского толка.

В тихой гавани Пуэрто-Рико штаты «Дейли ньюс» были укомплектованы толпой из сварливых, кочующих особей. Перемещались они наобум, носимые ветрами слухов и стечений обстоятельств, что оведали Европу, Латинскую Америку и Дальний Восток, – словом, всюду, где имелись англоязычные газеты. Они вечно скакали из одного издания в другое, постоянно держа уши на макушке на предмет пресловутого «великого шанса», классного репортажа, а то и просто высматривали себе богатую наследницу или аппетитное местечко с работой в духе «не бей лежащего» – на том конце следующего по счету авиабилета.

В каком-то смысле я был одним из них – более компетентный, да и психически более устойчивый, чем многие представители журналистской шатиш-братии; безработица редко выпадала на мою долю. Порой я трудился на три газеты сразу. Кропал рекламки для новых казино и боулинг-клубов; консультировал синдикат, организовывавший петушиные бои; советовал до мозга костей продажному гастрономическому критику, освещавшему фешенебельные рестораны; давал справки яхтенному фотографу, вечному страдальцу от полицейского произвола... Жизнь бурлила, и я был жаден до нее. Обзавелся кое-какими любопытными друзьями, да и деньгами, позволявшими не сидеть на месте, и в целом узнал о мире столько, сколько ни за что бы не смог узнать любым иным путем.

Подобно большинству в моем тогдашнем окружении, я был вечно в поиске, в движении; записной мятежник, буянивший порой до глупости. Ни разу не сделал себе передышки, чтобы пораскинуть мозгами, хотя отчего-то верил в правоту моих инстинктов. Я разделял праздный оптимизм, будто кое-кто из нас серьезно продвигается вперед, что мы выбрали себе честную дорогу и что лучшие из нас обязательно перевалят через гребень.

В то же время я разделял и темное подозрение, что жизнь, которую мы вели, была полной безнадёгой, что все мы – балаганные шуты и своей бессмысленной одиссеей обманываем самих себя. Лишь неослабное натяжение между двумя этими полюсами – с одной стороны, неугомонным идеализмом, а с другой – предчувствием грядущего рокового конца – давало мне силы идти дальше.

Один

Моя нью-йоркская квартира располагалась на Перри-стрит, в пяти минутах ходьбы от «Белой лошади». Я частенько там выпивал, но не вписывался в компанию, потому как носил галстук. Настоящий народ не хотел иметь со мной дела.

В тот вечер, когда я вылетел в Сан-Хуан, я тоже там пил. За эль платил Фил Роллинз, с которым мы вместе работали, и я лакал из стакана, пытаясь достаточно набраться, чтобы в полете заснуть. С нами был Арт Миллик, самый отчаянный таксист Нью-Йорка. И еще пришел Дюк Питерсон, только что вернувшийся с Виргинских островов. Помнится, Питерсон дал мне список людей, с которыми следует повидаться на Сент-Томасе; листок этот я потерял и ни с кем из них так и не встретился.

Стояла промозглая погода середины января, но на мне был лишь легкий вельветовый пиджак. Все остальные носили плотные куртки и фланелевые костюмы. Последнее воспоминание: я стою на грязном бордюрном камне, жму руку Роллинзу и клянусь ледяной ветер с Гудзона. Затем я забрался в такси Миллика и проспал всю дорогу до аэропорта.

Я слегка запоздал, и к стойке уже выстроилась очередь. Я занял место за доброй дюжиной пуэрториканцев и одной миниатюрной блондинкой, что стояла в нескольких шагах от меня. Она смахивала на туристку, бойкую молоденькую секретаршу, отправляющуюся за двухнедельным разгульным приключением на Карибы. Небольшая изящная фигурка и нетерпеливая манера держаться, говорившая о массе запасенной энергии. Я не спускал с нее глаз, чувствуя эль в жилах, и поджидал, что она вот-вот обернется, и мы на миг встретимся глазами.

Девушка получила билет и направилась к самолету. Передо мной оставалось еще три пуэрториканца. Двое из них обилетились и пошли дальше, а вот третий застрял из-за того, что клерк отказывался признавать его громадную картонную коробку за ручную кладь. Пока они спорили, я скрипел зубами.

Наконец я не выдержал:

– Эй! Что за дела вообще? Тут люди на самолет опаздывают!

Клерк вскинул глаза, пропуская вопли коротышки мимо ушей.

– Фамилия? – спросил он.

Я назвал ему мою фамилию, получил билет и кинулся к выходу. Добравшись до самолета, я ловко вклинился впереди пяти-шести человек, что поджидали очереди на посадку, показал билет ворчливой стюардессе и очутился внутри салона, где тут же обежал взглядом кресла по обеим сторонам прохода.

Ни единой блондинки в виду. Тогда я поспешил вперед, думая, что из-за ее маленького роста голова вообще могла не высываться за спинку. Однако ее не оказалось на борту, а к этому времени из свободных мест оставалось лишь два сдвоенных кресла. Я упал на ближайшее и положил свою пишущую машинку на сиденье возле иллюминатора. Двигатели уже запускали, когда я посмотрел в окно и увидел, как она бежит поперек летного поля, отчаянно махая стюардессе, которая собиралась закрыть дверь.

– Стойте! – крикнул я. – Вон еще один человек!

Я следил за ней, пока блондинка не достигла нижних ступенек трапа. Только я обернулся с обаятельной улыбкой и сунулся было за своей пишмашинкой, чтобы поставить ее на пол, как некий старец нагло протиснулся мимо моих коленей и плюхнулся на сиденье, которое я так старательно берегал.

– Занято, – быстро сказал я, хватая его за руку.

Он ее выдернул, огрызнулся по-испански и повернул голову к окну.

Я схватил его снова.

– Вставайте!

Он разорался, а девушка тем временем как раз прошла мимо и остановилась в нескольких футах впереди, подыскивая место.

– Вот свободное, – сказал я, резко дергая старика с кресла. Не успела она обернуться, как на меня накинута стюардесса.

– Да он на мою пишущую машинку сел, – объяснил я, уныло следя за тем, как девушка подыскивала себе место далеко впереди, в носовой части салона.

Стюардесса потрепала старика по плечу и помогла ему усесться обратно.

– Что вы за хулиган такой? – сказала она мне. – По-хорошему, вас бы с рейса надо снять! Я ворчливо откинулся на спинку. Старик же смотрел прямо перед собой до самого взлета.

– Козел ты старый, – пробормотал я ему.

Он даже не моргнул.

Наконец я закрыл глаза и попробовал заснуть, время от времени посматривая на светло-волосую голову, что виднелась впереди. Потом свет вырубили.

Когда я проснулся, уже брезжило. Старик пока что спал, и я перегнулся к иллюминатору. В нескольких тысячах футах под нами океан был темно-синим и спокойным, как озеро. Впереди виднелся остров, ярко-зеленый в рассветном солнце. Вдоль его кромки шла полоска пляжей, а вглубь тянулись бурые болота. Самолет пошел на снижение, и стюардесса велела пристегнуть ремни безопасности.

Через несколько минут мы пронеслись поверх пальмовых деревьев и подрулили к большому терминалу. Я решил оставаться в кресле, пока мимо не пройдет та девушка; тогда я бы встал и пошел рядом с ней по летному полю. А поскольку, кроме нас двоих, белых людей на борту не было, то и выглядело бы это вполне естественно.

Народ уже стоял, болтал и смеялся, поджидая, пока стюардесса откроет выход. Тут старец вдруг вскочил и попытался пролезть прямо по моим коленкам как собака. Не думая, я отшвырнул его назад к окну, и он приложился с тяжелым глухим звуком, от которого все притихли. Не желая угомониться, он вновь попытался пролезть по мне, издавая истерические крики на испанском.

– Ты! Психованный старый ублюдок! – заорал я, отталкивая его одной рукой, а вторую протягивая за пишмашинкой. Дверь уже открыли, и пассажиры струились наружу. Мимо прошла та девушка, и я улыбнулся ей, придерживая старца прищипленным к окну, чтобы я смог вылезти в проход. Он же устроил такое представление своими воплями и размахиванием руками, что я испытал искушение перетянуть его ремнем за горло.

Тут появилась стюардесса, а за ней по пятам и второй пилот, который потребовал объяснить, чем я тут занимаюсь.

– Он этого старика избивает прямо с вылета из Нью-Йорка, – заявила стюардесса. – Садист, наверное.

Они задержали меня минут на десять, и поначалу я даже думал, что закончится все арестом. Я попробовал рассказать, в чем дело, но был таким измотанным и обескураженным, что то и дело сивался. Когда же меня наконец отпустили, я удрал с борта как преступник, моргая и истекая потом под солнцем, пока шел по летному полю к залу выдачи багажа.

Там было полно пуэрториканцев, а девушка как сквозь землю провалилась. Сейчас надежда ее увидеть иссякла вконец, да и не испытывал я оптимизма насчет будущих перспектив. Мало найдется девушек, которые благосклонно отнесутся к типам вроде меня, сущим насильникам, любящим издеваться над престарелыми. Я припомнил то выражение, с каким она меня разглядывала, пока я прижимал старца к иллюминатору. Бр-р... Тогда я решил перекусить, а багаж забрать попозже.

Сан-хуанский аэропорт – элегантное современное сооружение, полное ярких красок, загорелых людей и латиноамериканских ритмов, гремевших из динамиков, что были развешены на голых стальных фермах под потолком. Я поднялся по длинной эстакаде, с пишмашинкой и

пиджаком в одной руке и маленьким кожаным портфелем – в другой. Указатели привели меня к еще одной эстакаде, а затем и к кафе. Входя внутрь, я в зеркале мельком увидел себя самого: неряшливого замарашку, бледного бродягу с красными глазами.

Поверх моего неопрятного внешнего вида витал перегар. Эль сидел в пищеводе как комок прогорклого масла. Стараясь не дышать на людей, я сел за стойку и заказал ананас ломтиками.

За окном в раннем солнце сияло летное поле, а еще дальше между мной и океаном стояли плотные пальмовые джунгли. В нескольких милях мористее на фоне горизонта медленно шла парусная лодка. Я уставился туда на несколько минут, даже в транс впал. Все такое мирное, да, мирное и пышущее жаром. Потянуло уйти к пальмам и уснуть; запастись кусочками ананаса и забрести в джунгли, чтобы там забыться.

Вместо этого я заказал еще кофе и вновь прочитал ту телеграмму, что получил вместе с авиабилетом. В ней говорилось, что за мной забронирован номер в гостинице «Кондадо-Бич».

Не было еще семи утра, но в кафе царила давка.

За столиками под панорамным окном сидели группы мужчин, потягивали белесое пойло и энергично разговаривали. Кое-кто в деловых костюмах, хотя на большинстве было нечто вроде местной униформы: солнечные очки в толстой оправе, лоснящиеся темные брюки и белые сорочки с короткими рукавами.

С разных сторон до меня доносились обрывки разговоров: «...дешевых углов с видом на море не осталось... э-э, здесь вам не Монтего, господа... ничего, этого добра у него навалом, надо только... на мази, но лучше не тянуть, пока Кастро со своей бандой не сунулся в...»

Минут через десять такого суфлерства я начал подозревать, что попал в притон для «деловых». Большинство из них вроде поджидали восьмичасового рейса из Майами, который – насколько я смог уяснить из разговоров – будет трещать по швам из-за набившихся на него архитекторов, консультантов, нудистов и мафиози, дающих деру с Кубы.

Их голоса начинали действовать на нервы. Не то чтобы у меня имелся повод держать зуб на «деловых», во всяком случае обоснованный, нет... мне омерзителен сам акт купли-продажи. Так и тянет врезать какому-нибудь коммивояжеру по морде, чтоб до хруста, до багровых «очков» вокруг глаз...

Как только я начал прислушиваться хотя бы вполуха, все остальное отошло на второй план. В результате ощущение ленивой истомы пропало, а потом я так разозлился, что махнул остатки кофе и убрался прочь.

Багажный зал был пуст. Я отыскал свои два баула и нанял носильщика до такси. Пока мы шли, он всю дорогу дарил мне неувядающую улыбку и раз за разом повторял: «*Si, Puerto Rico esta bueno... ah, si, muy bueno... mucho ha-ha, si...*»⁶.

В такси я откинулся на спинку сиденья и раскурил небольшую сигару, купленную в кафе. Сейчас я себя чувствовал куда лучше, мне было тепло, уютно – и абсолютно вольготно. Мимо проносились пальмы, пухлое солнце палило асфальт впереди, а на меня накатило чувство, которого я не испытывал с тех первых месяцев, что провел в Европе: смесь из неведения и неукротимой свободы – «да плевать я на все хотел!», – эдакая уверенность, которая нападает, когда поднимается свежий ветер и человек делает первый шаг на той прямой, что ведет к неизведанному горизонту.

Машина мчалась по четырехполосной автостраде. По обеим сторонам тянулся обширный комплекс желтых жилых кварталов, прорезанных высокими противоураганскими стенками. Через несколько минут мы миновали что-то вроде нового жилого района, застроенного одинаковыми розовыми и голубыми домишками. На въезде располагался рекламный щит, сообщавший всем путешественникам, что они-де оказались на территории пригородного поселка «Эль Хинто Урбанизасьон». В нескольких ярдах от щита стоял крошечный сарай, сделанный

⁶ «Да, в Пуэрто-Рико хорошо... ах, очень хорошо, да... много ха-ха, да...» (исп.)

из пальмовых веток, листьев и расплюснутых кусков жести, а рядом с ним – столбик с намазанной от руки табличкой «*Coco Frio*»⁷. Облокотившись на доску-прилавок, из сарая выглядывал мальчишка лет тринадцати и пиялился на проносившиеся машины.

Появиться полупьяным в заграничном городе – порядочная встряска для нервов. Такое чувство, будто что-то не так, никак не получается освоиться. Поэтому, добравшись до гостиницы, я первым делом лег спать. Проснулся в половине пятого, голодный, грязный и не вполне в своей тарелке. Вышел на балкончик и уставился на пляж. Подо мной, в набегавшем прибое, плескалась толпа женщин, детей и пузатых мужиков. Справа стояла еще одна гостиница, а за ней другая – и перед каждой был свой переполненный пляж.

Я принял душ, затем спустился на террасу. Ресторан оказался закрыт, так что я попытал счастья в баре. Судя по всему, его перенесли сюда нетронутым прямо с горнолыжного курорта в Аппалачах. Я проторчал там два часа за выпивкой с орешками, разглядывая океан. В баре сидело еще с дюжину человек. Мужчины напоминали больных мексиканцев, с усами ниточкой и в шелковых костюмах, отливавших пластиковым глянцем. Большинство женщин были американками – хрупкие, в годах, и все до единой в коктейльных платьях с короткими рукавами, которые облегали их как резиновые.

В этой компании я чувствовал себя куском невесть какого мусора-плавника, выброшенного волной на берег. Моему измятому пиджаку лет пять, ворот его обтрепался, на брюках не осталось стрелочек, и хотя идея надеть галстук не пришла мне в голову, без него я был здесь явно белой вороной. Тогда, чтобы не казаться лицемером, я бросил ром и заказал пиво. Бармен угрюмо смерил меня взглядом, и я понял причину: на мне не было ничего, что отливало бы глянцем. Надо думать, среди местных это считается каиновой печатью. Если я хочу чего-то здесь достичь, придется, видно, разжиться блестящим гардеробом.

В половине седьмого я покинул бар и вышел наружу. Вечерело, и главный туземный проспект – Авенида Понс-де-Леон – смотрелся внушительно и элегантно. На той стороне стояли дома, которые некогда выходили на пляж. Ныне же они выходили на гостиницы, к тому же большинство строений укрылись за высокими живыми изгородями и стенами, что отрезали их от улицы. Тут и там я примечал патио или веранду, обнесенную сеткой, где сидели люди и глушили ром. Откуда-то донесся перезвон колокольчиков, сонливое брэнчание брамсовой «Колыбельной».

Я прошел с квартал, вживаясь в местную атмосферу, и с каждым шагом колокольчики становились ближе. Вскоре показался автофургон мороженщика, медленно кативший посреди улицы. Из его крыши торчало гигантское эскимо, расцвеченное мигавшими лампами; красные неоновые взрывы освещали всю округу. Из недр этого грузовичка как раз-то и происходила мелодия мистера Брамса. Проезжая мимо, водитель счастливо мне улыбнулся и нажал на клаксон.

Я немедленно остановил себе такси и велел шоферу ехать в центр. Здешний старый город – узенький островок, соединенный с остальной частью несколькими насыпными дамбами. Мы выехали на ту, что ведет от района Кондадо. Вдоль ограждения стояли десятки пуэрториканцев, удививших рыбу в мелкой лагуне, а справа от меня торчала белая громада под неоновой вывеской: «Карибский Хилтон». Это, как я знал, и был краеугольный камень местного туристического бума. Сначала пришел Конрад – явился как Иисус, – а за ним приплыли золотые рыбки. До «Хилтона» здесь не было ничего; нынче же хоть звезды руками срывай. Мы миновали безлюдный стадион и вскоре очутились на бульваре, что проходил вдоль крутого берега с набережной. По одну руку темнела Атлантика, а по другую, через узкую полосу города, сияли тысячи цветных огоньков на пришвартованных круизных судах. Мы свернули с бульвара и

⁷ «Холодное кокосовое молоко» (исп.).

остановились на площади, которая, если верить таксисту, называлась Плаза-Колон. За проезд он потребовал доллар тридцать, и я дал ему две бумажки.

Он посмотрел на деньги и помотал головой.

– Чего? – спросил я.

Таксист пожал плечами:

– Нет сдачи, *senor*.

Я пошарил в кармане – один лишь пятицентовик. Я знал, что он врет, но возиться с разменом долларовой банкноты не хотелось. «Грабят внаглую», – сказал я, швыряя бумажки ему на колени. А он опять дернул плечом и уехал.

Плаза-Колон служила своеобразной ступицей, куда колесными спицами сходилось несколько узких улиц. Здания в два-три этажа были **скучены**, балконы нависали над мостовой. В воздухе царила духота; вонь пота и мусора врывалась на крыльях едва заметного ветерка. Из распахнутых окон слышалось журчание голосов и музыки. Тротуары были до того узкими, что ноги так и норовили угодить в сточную канаву, да еще улицы забились торговцы фруктами, чьи чищенные апельсины шли по никелю⁸ за штуку.

Я шел где-то с полчаса, рассматривая витрины галантерейных магазинов с костюмами «Лиги плюща»; заглядывал в двери грязных баров, забитых шлюхами и матросами; увертывался от встречающих людей – и думал о том, что в любой момент могу свалиться, если не найду себе какой-нибудь ресторан.

Наконец я сдался. Похоже, в Старом городе вообще нет ресторанов. Единственная забегаловка, попавшая на глаза, называлась «Нью-Йорк дайнер», да и то была закрыта. В отчаянии я махнул рукой проезжавшему такси и попросил доставить меня в офис «Дейли ньюс».

Водитель тупо уставился мне в лицо.

– Газета! – крикнул я, хлопая за собой дверцей.

– Ah, si, – пробормотал он. – «El Diario», si.

– Да нет же, черт! – сказал я. – «Дейли ньюс»... американская газета... «Эль ньюс».

Он явно о ней и не слышал, так что пришлось доехать обратно до Плаза-Колон, где я высунулся из окна и обратился к местному «фараону». Тот опять-таки ничем не помог, но тут с автобуса слез какой-то мужик и сказал нам, куда ехать.

По булыжной мостовой мы добрались до набережной. Никаких вывесок насчет газеты. Я даже подумал, что таксист нарочно завез меня в такое место, чтобы теперь избавиться от невыгодного клиента. Мы свернули на перекрестке, и вдруг он ударил по тормозам. Перед носом машины шла какая-то бандитская разборка: орущая толпа пыталась ворваться в зеленоватое здание, смахивавшее на склад.

– Езжай давай, – сказал я таксисту. – Обогни их сбоку.

Он что-то буркнул и помотал головой.

Я вдарил кулаком по спинке его сиденья:

– Езжай, говорю! А не то на денежки не рассчитывай!

Он опять забормотал, однако все же включил первую передачу и подкатил к противоположной стороне улицы, по возможности подальше от воинственной толпы. Когда машина остановилась впритык к зданию, я увидел, что местных было человек двадцать, и они пытались атаковать какого-то высокого американца в желтовато-коричневом костюме, что стоял на ступеньках, размахивая доской уличного указателя как бейсбольной битой.

– Гнилые уроды! – орал он.

Я услышал свист рассекаемого воздуха, затем смачный шлепок и чьи-то вопли. Один из нападавших повалился на мостовую с окровавленным лицом. Громила отступил к дверному проему. Парочка пуэрториканцев попыталась его разоружить, и тогда он хватил одного из них

⁸ Никель – монета в 5 центов.

поперек груди, сбив с крыльца. Остальные стояли поодаль, что-то выкрикивая и показывая ему кулак. Он рывкнул в толпу:

– А ну! Кто еще хочет?

Никто не двинулся с места. Он немного обождал, затем замахнулся вывеской через плечо и метнул ее в самую середину. Доска попала кому-то в живот, сбила с ног и впечатала спиной в остальных. Я услышал хохот, после чего американец исчез внутри.

– Ладно, – сказал я, оборачиваясь к таксисту. – Хорош глазеть, едем дальше.

Он опять потряс головой, показал на зеленый склад, потом ткнул пальцем в мою сторону.

– Si, esta «News»⁹, – кивнул, вновь показал на то же здание. – Si, – мрачно добавил он.

Тут до меня и дошло, что стоим мы как раз перед входом в «Дейли ньюс» – мой новый дом. Я разок кинул взгляд на грязную банду, что торчала между мной и входом, и решил вернуться в гостиницу, но тут опять поднялась суматоха. Сзади подкатил «фольксваген», оттуда выскочили три «фараона» и принялись махать дубинками, что-то вопя на испанском. Часть хулиганов разбежалась, хотя другие остались и вступили в перепалку со стражами порядка. Я еще понаблюдал, затем сунул водителю доллар и бегом ворвался в здание.

Указатель дал понять, что «Дейли ньюс» располагается на втором этаже. Я залез в лифт, почти уверенный, что попаду в самую гущу очередной свары. Дверь, однако же, открылась в полутемный коридор, и слева донесся шум, типичный для любой газетной редакции.

Стоило ступить внутрь, как я почувствовал себя много лучше. Здесь царил привычный, дружелюбный бардак; стрекотали пишущие машинки и телетайпы, даже запах был знакомый. Помещение оказалось таким просторным, что выглядело безлюдным, хотя я сразу заметил добрый десяток людей. Единственный, кто из них не работал, сидел за столом возле двери. Некрупный, темноволосый мужчина развалился в кресле и разглядывал потолок.

Я подошел к нему и только собрался обратиться, как он дернулся, развернувшись ко мне всем корпусом.

– Ну? Какого хрена надо?

Я смерил его взглядом.

– С завтрашнего дня я здесь работаю. Меня зовут Кемп, Пол Кемп.

– Извини... Я подумал, что ты хочешь стибрить мою пленку.

– Чего-чего? – не понял я.

Мужчина что-то буркнул насчет «грабежа среди белого дня» и еще добавил, что, дескать, «за ними нужен глаз да глаз».

Я огляделся.

– С чего это? Нормальные вроде люди.

Он фыркнул.

– Жулье проклятое... тащат чего ни попадя. – Он встал и протянул руку. – Боб Сала, штатный фотограф. А ты чего сегодня приперся?

– Ищу, где бы поесть.

Он улыбнулся.

– На мели, что ли?

– Да нет, денег хватает... Просто не могу найти ресторан.

Боб упал обратно в кресло.

– Считаю, тебе повезло. Здесь первейшее правило такое: держись подальше от ресторанов.

– А почему? – спросил я. – Дизентерия?

Он рассмеялся.

⁹ Да, вот «Новости» (исп.).

– Дизентерия, лобковые вши, гонорея, сифилис... да здесь что угодно можно подцепить. – Он поглядел на часы. – Обожди-ка минут десять, и я отвезу тебя к Алу.

Я сдвинул фотоаппарат чуток в сторону и присел на край столешницы. Боб опять впился взглядом в потолок, время от времени почесывая жесткую, кудрявую шевелюру и, судя по всему, уплывая мыслью в более счастливую страну, где есть хорошие рестораны и нет жулья. Здесь он смотрелся как бы не к месту: напоминал скорее билетера на карнавале где-нибудь в Индиане. Плохие зубы; побриться бы не мешало; грязная рубашка, а башмаки, верно, отыскал у старьевщика.

Мы посидели молча, потом из офиса на том конце зала вышли двое мужчин. Один из них оказался тем верзилой-американцем, что давеча воевал на улице, а второй был лысым коротышкой, очень говорливым и склонным жестикулировать обеими руками.

– Это кто? – спросил я Боба, показывая на высокого.

Он повернул голову:

– Который рядом с Лоттерманом?

Я кивнул, решив, что коротышка и был пресловутым Лоттерманом.

– Его фамилия Йимон, – сказал Сала, поворачиваясь обратно к столу. – Новенький...

Появился две-три недели назад.

– Я сейчас видел, как он на улице дрался. Там толпа пуэрториканцев на него напала, прямо у входа.

Сала покачал головой.

– Охотно верю. Потому что он псих! – Фотограф сам себе покивал. – Наверное, сцепился к ихним бандитским профсоюзом. У нас тут сейчас какая-то «дикая» забастовка... а почему да отчего, никто понятия не имеет.

В этот миг Лоттерман крикнул через всю комнату:

– Сала, ты чем занимаешься?

Тот даже головы не повернул.

– Ничем. Через три минуты сваливаю.

– А это кто с тобой? – спросил Лоттерман, подозрительно зыркая в мою сторону.

– Судья Крейтер¹⁰, – бросил Сала. – Глядишь, и репортажик сбцаем.

– Судья... *что-что?!* – Лоттерман двинулся к столу фотографа.

– Не важно, – сказал Сала. – Его зовут Кемп, и он утверждает, что намерен на вас работать.

Лоттерман выглядел ошарашенным.

– Судья Кемп?... – пробормотал он. Затем расплылся в улыбке и вытянул обе руки вперед. – Ах да! Кемп!.. Рад вас видеть. Вы когда приехали?

– Сегодня утром, – ответил я, спрыгивая со столешницы, чтобы пожать ладонь. – Только почти весь день проспал.

– Отлично! Очень умная мысль. – Он энергично покивал. – Что ж, надеюсь, вы готовы и рветесь в бой.

– Не сейчас, – сказал я. – Мне поесть надо.

Лоттерман рассмеялся.

– Да нет, я про завтрашнее. Нынче вечером я вас запрягать не буду. – Он опять рассмеялся. – Конечно, ребята, питайтесь на здоровье, вы мне еще нужны. – Он улыбнулся фотографу. – Я так понимаю, Боб собрался показать вам город, а?

– Ясное дело, – кивнул Сала. – Как всегда, за счет конторы?

На это Лоттерман издал нервный смешок:

¹⁰ Джозеф Крейтер (род. 1889) – нью-йоркский судья, пропавший без вести в августе 1930-го. Дело было настолько шумным, что в Америке его имя стало нарицательным.

– Боб, ты знаешь, что я имел в виду... Старайтесь только вести себя в рамках приличий. Он повернулся и помахал Йимону, который стоял посреди комнаты, критически разглядывая разъехавшийся шов под мышкой.

Йимон подошел к нам скользящей походкой кривоногого ковбоя и вежливо улыбнулся, когда Лоттерман меня представил. Высокий парень, с лицом то ли нахальным, то ли... даже не знаю, как сказать.

Лоттерман потер ладошки.

– Вот так-то, Боб, – ухмыльнулся он. – Команда подбирается что надо, а? – Он шлепнул верзилу по спине. – Старина Йимон только что надавал тумачков коммунистическим ублюдкам. Дикари... Под замок бы их упечь.

Сала кивнул:

– Вскорости они кое-кого из нас укокошат.

– Не надо так, Боб, – пожурил его Лоттерман. – Все будут живы и здоровы.

Сала неопределенно пожал плечами.

– Сегодня я насчет этого дела звонил комиссару Рогану, – пояснил Лоттерман. – Мы не можем больше закрывать глаза на такие вещи.

– Золотые слова. И к черту комиссара Рогана. Что нам надо, так это несколько парабеллумов. – Сала поднялся и надел пиджак, что висел у него на спинке кресла. – Ладно, пора идти. – Он взглянул на Йимона. – Мы собрались к Алу... Ты голоден?

– Подскачу попозже, – ответил Йимон. – Надо забежать, провести Шено. Поди, спит еще.

– Ладно, – опять сказал Сала. Он поманил меня к двери. – Давай. Выбираться будем через черный ход. Не люблю я мордобои.

– Поаккуратней там, ребята! – крикнул Лоттерман нам вслед.

Я проследовал за Бобом в коридор. В конце коридора обнаружилась лестница, что привела нас к железной двери. Сала сунул в щель у замка перочинный ножик и отжал ригель. Дверь распахнулась.

– Снаружи так не получится, – сообщил он на ходу.

Выяснилось, что Сала водил крошечный проржавевший «фиат» с откидным верхом. Мотор заводиться отказался, так что мне пришлось вылезти и подтолкнуть машину сзади. Наконец, стартер сработал, и я прыгнул внутрь. Двигатель до того натужно ревел на подъеме, что я решил было: не доедем. Впрочем, автомобильчик мужественно перевалил через вершину, и тут его ждала очередная крутая горка. Боб вроде и не беспокоился, только всю орудовал рычагом переключения передач, когда мотор хотел заглохнуть.

Мы припарковались перед «Аловым двориком» и прошли вглубь, к патио.

– Я возьму себе три гамбургера, – объявил Сала. – Ничего другого тут не подают.

– Годится. Лишь бы побольше.

Боб вызвал повара и сказал ему, что мы хотим шесть штук.

– И два пива, – добавил он. – Одна нога здесь, другая там.

– Я бы рому взял, – сказал я.

– Два пива и два рома, – крикнул Сала. Затем он откинулся на спинку стула и зажег сигарету. – Так ты репортер?

– Типа да.

– А сюда зачем решил податься?

– Отчего бы и нет? – ответил я. – Карибы вовсе не самый отстой.

Он хмыкнул.

– Тут тебе еще не Карибы... Хочешь туда, езжай дальше на юг.

Повар тем временем уже семенил к нам с выпивкой.

– А до этого ты где был? – спросил Сала, принимая пиво с подноса.

– В Нью-Йорке, – сказал я. – А еще раньше в Европе.
– Где в Европе?
– Да везде... В основном Рим и Лондон.
– «Дейли американ»! – полувопросительно воскликнул Сала.
– Ну да, – сказал я. – Подменял одного типа на шесть месяцев.
– А ты знаешь такого Фреда Баллинджера?
Я кивнул.
– Так вот он здесь. Богате-ет...
Я простонал:
– Господи, вот ведь сукин-то сын, а?
– Ты его еще увидишь, – пообещал Сала с кривой ухмылкой. – Он частенько у нас ошибается.
– Чего ради? – нахмурился я.
– К Доновану подкатывает. – Боб издал смешок. – Заверяет, будто вел-де спортивную колонку в «Дейли американ».
– Да бездельник он, – сказал я.
Сала расхохотался.
– Донован как-то раз спустил его с лестницы... так что тот пока носу не кажет.
– Вот и хорошо. А этот Донован, он кто? Спортивный редактор?
Боб кивнул.
– И пьяница. Вот-вот заявление подаст, «по собственному».
– Почему?
Он расхохотался.
– Да потому! У нас все увольняются – и ты тоже уйдешь. Мало-мальски нормальный человек тут корячиться не будет. – Боб покачал головой. – Народ бежит, как мухи дохнут. Я вот дольше всех продержался... кроме разве что Тиррелла, нашего редактора городской колонки... Да и он вскорости свалит. Лоттерман об этом пока не знает... что нам всем придет каюк. Тиррелл-то ведь единственный остался, кто умеет работать. – Он коротко рассмеялся. – погоди, увидишь главреда – этот вообще заголовок на полосу сочинить не может.
– А кто здесь главред? – спросил я.
– Сегарра... «Скользкий Ник». Сидит, рождает биографию нашего губернатора. Когда к нему ни подойди – хоть днем, хоть ночью, – он пишет губернаторскую биографию. И отвлекать его не смей, вот так-то.
Я отхлебнул из бутылки.
– И как долго ты здесь? – спросил я.
– Куда уж дольше... Почитай, поболее года.
– Ну, это еще ничего.
Он улыбнулся.
– Да ради бога. Разве я что говорю? Может, тебе тут глянется... Кое-каким типам здесь вообще лафа.
– Например?
– Рэкетирам, – ответил он. – Или всяким там дельцам. Ох, им тут нравится.
– Угу, – кивнул я. – Это я еще в аэропорту приметил. – Я внимательно на него посмотрел. – А что тебя здесь держит? Ведь билет до Нью-Йорка каких-то сорок пять долларов.
Боб фыркнул.
– Да я столько за час зарабатываю. Нажимаю свою пипку на камере, и все.
– Ты, должно быть, жадный, – заметил я.
Он ухмыльнулся.

– Это да. Более корыстного субчика не сыщешь. Иногда даже тянет самому себе дать по промежности.

Появился Трубочист с нашими гамбургерами. Сала схватил свою долю с подноса, разъял булочки и пошвырял листья салата вместе с кружками помидоров в пепельницу.

– Чудище ты безмозглое, – устало заявил он. – Сколько раз тебе втолковывать, чтобы не клал всякую дрянь в мое мясо?

Негр молча удалился.

– Тысячу раз повторял! – крикнул Сала. – Я тебе каждый долбаный день повторяю!

– Эй, – сказал я, улыбаясь. – Ты явно тут засиделся; видишь, как это место тебя достало?

Боб отхватил громадный кусок гамбургера.

– Смейся-смейся, сам потом все увидишь, – пробурчал он с набитым ртом. – На пару с этим Йимоном...

Тот вообще псих капитальный. Ему тут долго не протянуть. Да тут никто не протянет... – Он ударил кулаком по столу. – Трубочист! Еще пива!

Трубочист высунулся из кухни и глянул в нашу сторону.

– Пару пива! – крикнул Сала. – Да поживее!

Я с улыбкой откинулся на спинку стула.

– А что такое с этим Йимоном?

Он посмотрел на меня так, словно более идиотского вопроса в жизни не слыхал.

– Ты что, сам не понял? Ты глаза-то у этого сукина сына видел? Лоттерман с перепугу обделался, точно тебе говорю... Да ты что, и впрямь не разобрался?

Я помотал головой.

– Да нормальный он вполне.

– «Нормальный?» – воскликнул Боб. – Эх, тебя бы сюда пару вечеров назад! Он же этот стол перевернул ни с того ни с сего!.. Вот этот самый стол! – Для верности Боб хлопнул по столешнице. – Невесть почему, – повторил он. – Сгреб нашу выпивку на пол, а потом – *раз!* – и опрокинул стол на одного злосчастного дурня, который и сам-то не понимает, что говорит... А вдогонку пообещал его растоптать! – Фотограф покачал головой. – Вот уж не знаю, откуда Лоттерман его выкопал. Бедняга до того его боится, что с ходу одолжил сотнягу, а Йимон пошел и махнул ее на какой-то мотороллер. – Он горько рассмеялся. – А теперь выписал себе девицу, чтоб она с ним жила.

Появился негр с пивом, и Сала мигом снял бутылки с подноса.

– Только безмозглые дуры и могут сюда ехать. Девственницы чертовы... Истерички. – Он погрозил мне пальцем. – Смотри, Кемп, заедут у тебя шарики за ролики в этом месте, попомни мои слова. Тут любой свихнется.

– Ну, не знаю. На самолете была одна хорошенькая молоденькая штучка... – Я улыбнулся. – Пожалуй, попробую завтра ее отыскать. Наверняка где-то на пляже загорает.

– Лесбиянка, поди. Тут их знаешь сколько? Так и кишат. – Он потряс головой. – Тропическая гниль – вот что такое вечная выпивка без секса! Я уже с ума схожу... того и гляди распахнусь!

Пришел Трубочист с двумя свежими бутылками пива, Сала жадно их схватил. В ту же секунду в дверях показался Йимон, увидел нас и направился к нашему столику.

Сала издал мученический стон.

– О господи, только его не хватало, – пробормотал он. – Йимон, не топчи меня, а? Я ничего плохого в виду не имел.

Йимон улыбнулся и присел рядом.

– До сих пор скулишь из-за Моберга? – Он рассмеялся и повернулся ко мне: – Роберт считает, что я с Мобергом жестоко обошелся.

Сала что-то проворчал насчет поехавшей крыши.

Йимон вновь рассмеялся.

– Наш Сала – самый древний старец во всем Сан-Хуане. Тебе сколько, Роберт, под девяносто?

– Что ты ко мне лезешь со своей дурью? – выкрикнул Сала, вскакивая с места.

Йимон кивнул.

– Роберту нужна женщина. Ему болт давит на мозги и не дает думать.

Сала простонал и зажмурился.

Йимон побарабанил пальцами по столу.

– Роберт, улицы полны шлюх. Ты бы хоть разок кругом себя осмотрелся. Пока я сюда ехал, видел их столько, что захотелось схватить себе штукек шесть, да и завалиться голышом прямо в серединку, чтоб они по мне ползали как щенята.

Он рассмеялся и знаком позвал официанта.

– Скотина ты, – буркнул Сала. – Та девочка здесь и дня не пробыла, а ты уже размечтался, как по тебе шлюхи будут ползать. – Он рассудительно покивал головой. – Наживешь себе сифилис... Пошатайся по проституткам, потопчи своими ножищами и в скором времени вляпаешься в кучку.

Йимон оскалился в ухмылке.

– Ладно, Роберт. Считай, что меня предупредил.

Сала вскинул лицо.

– Так она еще спит? Я когда смогу вернуться в свою собственную квартиру вообще?

– Как только мы с нее съедем, – ответил Йимон. – Конечно, придется одолжить твою машину: на мой-то скутер пожитки не влезут.

– Господи, – прошептал Сала. – Йимон, ты чума, вот ты кто... Паразит вампирский.

Тот расхохотался.

– Зато ты, Роберт, добрый самаритянин. Тебе воздастся. – Он пропустил мимо ушей фырканье фотографа и вновь повернулся в мою сторону: – С утренним рейсом пожаловал?

– Ну, – сказал я.

Он усмехнулся.

– Шено говорит, что с ней в самолете летел один молодчик и всю дорогу избивал какого-то старика... Это был ты?

Я простонал, чувствуя, как меня вместе со столиком накрыл невод греха и дурацких совпадений. Сала подозрительно на меня уставился.

Тогда я объяснил им, что сидел возле престарелого психа, который вздумал прямо по мне пролезть.

Йимон расхохотался:

– А Шено решила, что ты псих... Говорит, ты еще в аэропорту на нее пялился, а потом набросился на несчастного старика... и продолжал его избивать, даже когда она выходила из самолета.

– Иисусе Христе! – вскрикнул Сала, даря мне гадливый взгляд.

Я покачал головой и попробовал обратить все в шутку, недовольный сложившимся образом: хам-приставала, склонный к рукоприкладству, да еще в отношении престарелых. Нет, такого рода рекомендации человеку на новом месте ни к чему.

Йимон вроде бы позабавился историей, но вот Сала совершенно определенно смотрел недоверчиво. Я заказал еще выпивки и поторопился сменить тему.

Мы просидели несколько часов за разговором и ленивым потягиванием из стаканов, убивая время под дребезг убогого пианино. Нотки выплывали из патио, придавая ночи безысходный, меланхолический тон.

Сала был убежден, что газета обязательно загнется.

– Я лично унесу ноги, – заверил он нас. – Через месячишко. – У него имелось еще два крупных фотозаказа, а потом он собирался смыться, вероятнее всего, в Мехико. – Даю где-то месяц, а потом начнем паковать.

Йимон покачал головой.

– Роберт хочет, чтобы газета загнулась, и у него появился повод свалить. – Он улынулся. – Ничего, она еще продержится. Мне надо-то всего три месяца... Тогда хватит денег перебраться куда-нибудь на острова.

– Куда на острова? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Да все равно. Лишь бы островок был хорошим, да крыша над головой подешевле.

Сала прошипел:

– Ты говоришь, как пещерный житель, Йимон. Что тебе надо, так это нормальную работу в Чикаго.

Тот рассмеялся.

– Ничего, Роберт. Вот завалишь какую-нибудь девку в койку, и все у тебя как рукой снимет.

Фотограф что-то пробурчал и прильнул к своему пиву. В общем-то он мне понравился, несмотря на вечное брюзжание. Хотя он был на несколько лет постарше меня, где-то тридцать два или три, казалось, я знаю его очень давно.

Йимон тоже напоминал нечто привычное, хотя и не в такой степени. Ему, пожалуй, было двадцать четыре или двадцать пять, и он чем-то смахивал на меня самого в том возрасте. Слушая его, я вдруг понял, как много времени утекло с тех пор, когда я считал, что держу весь мир за причинное место... сколько бысролетных дней рождений минуло после моего первого года в Европе, когда я был до того наивен и самоуверен, что каждая щепочка, что швыряла мне Удача, заставляла чувствовать себя всеильным победителем.

Такого я не испытывал очень давно. Наверное, прошедшие годы выбили из меня эту дурь, но вот сейчас она припомнилась и заставила ощутить себя постаревшим и слегка нервозным оттого, что за столь долгое время мне удалось сделать так мало.

Я откинулся на спинку стула и принялся посасывать выпивку. Повар чем-то звенел и громыал, а пианино неизвестно почему умолкло. Из кухни несея бурный поток на испанском, размытый фон для моих путаных дум. Впервые я осознал всю чуждость этого места, дистанцию между мной и последним моим пристанищем. Причин беспокоиться не было, но тяжесть все равно накатила: давление душного воздуха и текучего времени, подспудное внутреннее напряжение, которое возникает в тех местах, где люди обливаются потом двадцать четыре часа в сутки.

Два

Следующим утром я встал пораньше и отправился купаться. Солнце жгло; я просидел на пляже несколько часов, надеясь, что никто не обратит внимания на мою болезненную нью-йоркскую бледность.

В половине двенадцатого я сел в автобус – набитый битком, так что всю дорогу пришлось стоять. Внутри было как в бане, хотя никто вроде бы этого не замечал. Окна закрыты до единого, вонь страшная, и к тому моменту, когда мы добрались до Плазы-Колон, я был весь в поту и полуобморочном состоянии.

Спускаясь с холма к зданию «Дейли ньюс», я увидел кучку народа. Кое-кто держал плакаты, другие сидели на бровке или стояли прислонившись к припаркованным машинам, что-то выкрикивая всякий раз, когда кто-то входил или выходил. За мной увязался какой-то тип; пока я торопился к лифту, он кричал мне в спину на испанском и потрясал кулаком. Я попробовал защемить его лифтовой дверь, но он вовремя отскочил.

Даже в коридоре было слышно, как кто-то орет в редакционном зале. Когда я открыл дверь, то увидел, что посреди комнаты стоит Лоттерман и размахивает выпуском местной «El Diario». Второй рукой он показывал на незнакомого мне невысокого блондина.

– Моберг! Пьяница вы проклятый! Ваши деньки сочтены! Если с телетайпом хоть что-то случится, деньги на ремонт я вычту из вашего выходного пособия!

Моберг выглядел до того больным, что хоть на «скорой» увози. Позднее я узнал: ночью он заявился в редакцию в стельку пьяным и помочился на телетайп. Все бы хорошо, но в ту пору произошла драка с резней на набережной, а Моберг-то как раз и отвечал за полицейские новости.

Лоттерман вновь прошелся по его адресу, потом набросился на фотографа, едва тот ступил внутрь:

– Вы где шатались прошлой ночью, Сала? Почему у нас нет снимков этой драки?

Тот изумился.

– Да вы что? Я же закончил в восемь... Вы хотите, чтобы я вкалывал по двадцать четыре часа в сутки?

Лоттерман ворчливо отвернулся. Тут он увидел меня и жестом пригласил к себе в кабинет.

– Господи Иисусе! – воскликнул он, усаживаясь. – Да что такое с этими лодырями?! Убегают с работы в неурочный час, мочатся на дорогостоящее оборудование, вечно пьяные... Сам удивляюсь, почему я еще не спятил!

Я вежливо улыбнулся и закурил.

Он уставился на меня с любопытством.

– Христом Богом надеюсь, что вы нормальный человек... Очередной извращенец был бы последней соломинкой.

– Извращенец? – переспросил я.

– Да вы сами знаете, о чем я, – сказал он, помахивая рукой. – Типичные извращенцы вроде алкашей, бомжей, мазуриков... один бог ведает, из каких щелей они вылезают... Ничемная дрянь! Шныряют тут, что-то все вынюхивают, дарят мне во-от такие улыбки, а потом испаряются, ни словечка, ни полсловечка не дав ни в одну колонку. – Он мрачно покачал головой. – Как прикажете делать газету, если из всех работников у тебя сплошные винные башки?

– Печальная картина, – сказал я.

– Так оно и есть, – буркнул Лоттерман, – уж поверьте мне, так оно и есть. – Здесь он поднял голову. – Словом, осмотритесь, познакомьтесь с людьми, но только побыстрее. Когда закончите, ступайте в архив и покопайтесь в прошлых выпусках... Сделайте конспект, полу-

чите представление о том, что творится в городе. – Он сам себе покивал. – А потом уже можете заглянуть к Сегарре, нашему главному редактору. Я попросил его ввести вас в курс дела.

Мы еще поговорили, и я упомянул, что ходят слухи, будто газета может загнаться.

Лоттерман как-то встревожился.

– А, это вам Сала наболтал? Да вы не обращайтесь на него внимания... Он вообще давно спятил!

Я улыбнулся.

– Хорошо, не буду... Просто подумал, что правильнее было бы у вас спросить.

– Сумасшедших развелось, не продохнуть, – резко ответил он. – Чего нам не хватает, так это здравомыслия.

По пути в архив я задался мыслью, как долго смогу продержаться в Сан-Хуане... пока не получу ярлык проныры или извращенца, пока не начну кусать локти или попаду на ножи шайки националистов. В памяти всплыл голос Лоттермана, когда он звонил мне в Нью-Йорк; его непонятная взвинченность и странная манера выражаться. Тогда я просто это почувствовал, а вот сейчас, можно сказать, увидел его воочию – как он тискает трубку побелевшими кулаками, пытаюсь сохранить голос ровным, пока толпа собирается на пороге редакции, а пьяные репортеры мочатся на офисное имущество... как он сдавленно бурчит в телефон: «Ну конечно, Кемп, вы явно нормальный человек, так что давайте к нам...»

И вот я здесь, новая физиономия в змеиной яме, будущий извращенец с пока что непоставленным диагнозом, в галстук с пестрым шотландским узором и сорочке с пуговичками, уже немолодой, но еще не переваливший за кризисный возраст... Человек на краю незнамо чего, семенящий к газетному архиву копать в местных сплетнях.

Я провел там минут двадцать, когда появился худощавый, смазливый пуэрториканец и пальцем постучал мне по плечу.

– Кемп? – сказал он. – Я Ник Сегарра. Найдется минутка?

Я встал, и мы обменялись рукопожатием. Глаза у него были маленькие, волосы уложены столь тщательно, что у меня закралось подозрение, не парик ли. Сегарра и внешне напоминал человека, пишущего биографию губернатора, да и вообще смахивал на завсегдатая губернаторских коктейльных раутов.

Пока мы пересекали редакционный зал к его столу, что помещался в одном из углов, в дверях возник некий человек, словно сошедший с рекламного плаката местной марки рома, и помахал Сегарре. Элегантный, улыбчивый, с лицом типичного американца, отлично загоревший, в сером льняном костюме... не иначе, один из посольских.

Он тепло поприветствовал Сегарру, и они пожали друг другу руки.

– Там на улице такие симпатичные люди собрались, – сообщил незнакомец. – Один в меня даже плюнул.

Сегарра покачал головой.

– Ужас, ужас... А наш Эд не унимается, все дразнит их почему зря. – Тут он поглядел в мою сторону. – Пол Кемп, – сказал он. – Хал Сандерсон.

Мы обменялись рукопожатием. У Сандерсона оказалась твердая, опытная ладонь, и у меня возникло чувство, что ему в юности кто-то насоветовал, что мужчину, дескать, меряют по силе рукопожатия. Он улыбнулся, затем перевел взгляд на Сегарру.

– У вас найдется время пропустить по стопочке? Похоже, я наткнулся на кое-что любопытное.

Тот посмотрел на часы.

– Да о чем речь, я как раз собрался уходить. – Он обернулся ко мне: – Поговорим завтра, хорошо?

Я уже шел к двери, когда Сегарра крикнул мне в спину:

– Рад знакомству, Пол. Как-нибудь обязательно пообедаем вместе.

– Да о чем речь, – сказал я.

Остаток дня я провел в архиве и ушел в восемь. На выходе из редакции столкнулся с Салой.

– Ты вечером что делаешь? – спросил он.

– Ничего, – ответил я.

Он расцвел.

– Отлично. Мне тут надо сделать кое-какие снимки в казино. Хочешь со мной?

– Да, наверно. А в таком виде туда пускают?

– А то, – сказал он, ухмыляясь. – Лишь бы галстук был на месте.

– Ладно. Я пока у Ала посижу. Заскочи, когда здесь закончишь.

Он кивнул.

– Минут через тридцать. Только пленку проявлю.

Вечер стоял душный, и набережная кишмя кишела крысами. В нескольких кварталах от меня стоял пришвартованный круизный лайнер. Палуба сияла тысячами огней, изнутри доносились музыка. У подножия трапа кучковалась группа американских бизнесменов с женами. Я перешел на ту сторону улицы, но в тишине свободно слышал их разговоры; счастливые, чуть возбужденные голоса людей из американской глубинки, из захолустных городков, где они проводили по пятьдесят недель в году. Я остановился, скрываясь в тени какого-то древнего склада и чувствуя себя человеком без роду и племени. Меня они видеть не могли, и я несколько минут за ними наблюдал, слушая голоса из Иллинойса, Миссури или Канзаса, знакомые-презнакомые. Потом я двинулся дальше, по-прежнему держась тени, и свернул на подъем к холму Кайе-О'Лири.

Улочка перед забегаловкой Ала была полна народу: старики сидели на ступеньках, женщины сновали в дверных проемах, детишки играли в салочки на узком тротуаре... Музыка из распахнутых окон, бормотание на испанском, брэнчание брамсовой колыбельной из фургона мороженщика, и тусклый светильник над входом в «Алов дворик».

Я прошел внутрь, добрался до патио, остановившись по дороге, чтобы заказать гамбургеры и пиво. Увидел Йимона: тот в одиночестве сидел за задним столиком, уставившись в тетрадку для записей.

– Это что у тебя? – спросил я, садясь напротив.

Йимон вскинул голову и отложил тетрадку в сторону.

– Да так, репортаж про эмигрантов, – устало ответил он. – Мне его сдавать к понедельнику, а я даже не приступал.

– Что-то стоящее?

Он бросил взгляд на тетрадку.

– Ну-у... для газеты, пожалуй, тяжеловато. Вот скажи: отчего пуэрториканцы уезжают из Пуэрто-Рико? – Йимон покачал головой. – Я целую неделю тянул да откладывал, а теперь вот Шено приехала, и я ничего не могу сделать дома... А времечко-то поджимает.

– А ты где живешь? – спросил я.

Он широко улыбнулся.

– Эх, ты бы видел... Дом прямо на пляже, милях в двадцати от города. Улет. Нет, серьезно, тебе следует взглянуть.

– Можно, – сказал я. – Мне бы тоже хотелось жить в таком домике.

– Тебе машину надо. Или скутер как у меня.

Я кивнул.

– С понедельника начну присматривать.

Подошел Трубочист с моими гамбургерами, и тут же появился Сала.

– Еще три таких же, – резко бросил он. – Как можно быстрее, я тороплюсь.

– До сих пор работаешь? – спросил Йимон.

Сала кивнул.

– Хотя не на Лоттермана; этот заказ в чистом виде для старины Боба. – Он закурил. – Мой агент хочет кое-какие казиношные снимки. Трудная работенка.

– Почему? – поинтересовался я.

– Запрещено. Я когда здесь только появился, этого не знал, и меня поймали за руку в «Карибах»... Вызвали к комиссару Рогану. – Он усмехнулся. – А тот мне и говорит, мол, как бы вы себя чувствовали, если бы городская газета опубликовала ваш снимок возле рулетки, а вы в это время обращались бы в банк за ссудой. – Сала вновь издал смешок. – А я ему говорю, дескать, мне плевать. Я фотограф, а не какой-то там социальный работник.

– Ты кошмар во плоти, – улыбаясь, произнес Йимон.

– Это да, – согласился Сала. – Так что сейчас меня знают в лицо... приходится орудовать вот этим. – Он показал крошечный фотоаппарат размером с зажигалку. – Считайте, я Дик Трейси. Всех на чистую воду выведу.

Тут он посмотрел на меня.

– Ну что, отстрелялся по первому разу? Чего предложили?

– В смысле?

– Ты целый день отработал на новом месте. Значит, кто-то должен был предложить тебе какую-то сделку.

– Нет, – сказал я. – Я говорил с Сегаррой... и с еще одним парнем по фамилии Сандерсон... А чем он вообще занимается?

– Спец по связям с общественностью. Трудится на «Аделанте».

– От правительства?

– Типа того, – кивнул Сала. – Народ Пуэрто-Рико платит Сандерсону, чтобы тот подчистил их имидж в глазах Штатов. «Аделанте» – серьезная контора, особенно по части политрекламы.

– Но ведь он работал на Лоттермана? Когда это было? – спросил я, потому что видел его фамилию в старых номерах «Дейли ньюс».

– В самом начале. Проработал где-то с год, потом законтачил с «Аделанте». Лоттерман уверяет, что его нагло переманили. Чушь, конечно. Он журналист вообще никакой. Просто выскочка.

– Это ты про приятеля Сегарры? – спросил Йимон.

– Ну да. – Сала рассеянно счистил помидоры и салат со своих гамбургеров, торопливо проглотил все три штуки и поднялся. – Пошли, – сказал он, глядя на Йимона. – Давай с нами, разомнемся.

Тот помотал головой.

– Мне еще этот чертов репортаж писать, а потом ехать за город, домой. – Он улыбнулся. – Я теперь человек семейный.

Мы расплатились и вышли. На машине Салы верх был откинут, и мы отлично прокатились по бульвару до Кондадо. Свежий ветерок, рев моторчика отражается эхом в кронах, а мы ловко виляем между другими автомобилями...

Казино располагалось на втором этаже хилтоновской гостиницы «Карибы» – просторное, прокуренное место с темной драпировкой по стенам. Сала хотел работать в одиночку, поэтому мы расстались с ним на входе.

Я остановился возле стола для блек-джека, но здесь все были какие-то смурные, так что я решил лучше посмотреть на игру в кости. Там шумели куда больше. Несколько матросов, обступивших стол, всюду кричали, пока кубики катились по зеленому сукну, а крупные, сгребавшие фишки, орудовали своими грабельками как ополоумевшие садовники. В толпу матросов затесалось несколько человек в смокингах и шелковых костюмах. Большинство из них

курили сигары, а в речи читался густой нью-йоркский акцент. Из клубов дыма за моей спиной донеслось, как во время знакомства кого-то представили «крупнейшим мошенником Нью-Джерси». Заинтересовавшись, я обернулся и увидел скромную улыбку на губах мошенника, пока рядом стоявшая женщина заходила визгливым смехом.

Рулеточную вертушку окружали игроки помельче да поплотнее, причем почти все они тилились выглядеть моложе своих лет. Свет в игорных заведениях вообще безжалостен к стареющим дамам. Он выхватывает каждую морщинку на лице, каждую бородавку на шее; бисерины пота в ложбинках между пустыми мешочками груди; волоски на случайно показавшемся соске; дряблые руки и ввалившиеся глаза. Я следил за их лицами, по большей части красными, свежееборелыми, – пока сами они взглядом пожирали прыгучий шарик, нервно теребя фишки.

Потом я отошел к столу, где юный пуэрториканец раздавал бесплатные сэндвичи.

– Чует мое сердце, что-то будет, – сказал я ему.

– Si, – угрюмо отвечал он.

Только я собрался вернуться к рулетке, как мне на плечо легла чья-то рука.

– Готов? – спросил Сала. – Двигаемся дальше?

Мы проехали до гостиницы «Кондадо-Бич», однако там в казино почти никого не было.

– Пустой номер, – сказал он. – Давай в соседнее.

В соседней «Ла-Конча» народу собралось побольше, но атмосфера царила такая же, как и в других: своего рода притупленная очумелость, как бывает, когда ты глотаешь стимулятор, хотя на самом деле хочешь спать.

Каким-то образом я завязал беседу с женщиной, уверявшей, что она приехала с Тринидада. У нее был громадный бюст, британский акцент и облегающее зеленое платье. Одну минуту я стоял подле нее у рулетки, а потом вдруг – сам не знаю, как так вышло – мы уже очутились на парковке, поджидая Салу, который таким же непонятным образом обнаружил себя в компании девицы, оказавшейся подругой моей новой знакомой.

После порядочных усилий мы поместились наконец в машине. Сала выглядел возбужденным.

– К черту снимки, – заявил он. – Завтра сделаю... И что теперь?

Единственным знакомым мне местом была таверна Ала, я и предложил отправиться туда.

Сала не согласился.

– Вот-вот припрутся бездельники из газеты. Как раз конец рабочего дня.

Повисло молчание – и тут Лоррейн перегнулась через спинку сиденья и предложила ехать на пляж.

– Такой замечательный вечер, – сказала она. – Давайте покатаемся по дюнам.

Я не удержался от смеха.

– А что? Это мысль! Купим рому и махнем на море.

Что-то бормоча, Сала завел мотор. В нескольких кварталах от гостиницы мы остановились у винного погребка, и он вышел.

– Возьму бутылку. Только у них вряд ли лед найдется.

– Не важно, – сказал я. – Главное, бумажных стаканчиковхвати.

Вместо того чтобы ехать к аэропорту, где, по словам Салы, пляжи всегда свободны, он свернул на выезде из Кондадо и остановился на пляже напротив жилого массива.

– Здесь по песку кататься нельзя, – сообщил он. – Может, просто искупаемся?

Лоррейн согласилась, а вот ее подруга вдруг заартачилась.

– Да что с тобой такое? – возмутился Сала.

Она подарила ему холодный взгляд и сказала, что ничего. Мы с Лоррейн вылезли из машины, предоставив Сале решать свои проблемы. Прошли несколько сотен ярду по пляжу, и я наконец спросил, разбираемый любопытством:

– Ты в самом деле хочешь искупаться?

– Конечно, – ответила она, снимая платье через голову. – Всю неделю собиралась. Здесь такая скучища... мы вообще ничего не делаем, а только сидим, сидим, сидим...

Я разделся и понаблюдал за тем, как она мучается вопросом: снимать или не снимать нижнее белье.

– Зато останется сухим, – подсказал я.

Она улыбнулась, признавая мою мудрость, расстегнула лифчик и сняла трусики. Мы прошли к воде. Море было теплым, соленым, но буруны накатывали такие здоровые, что не давали стоять. Я решил было отплыть за полосу прибоя, однако, посмотрев на темную океанскую даль, передумал. Словом, мы немножко подуррачились у берега, позволяя волнам сбивать нас с ног, и наконец Лоррейн вылезла на берег. Я за ней. Предложил ей сигарету, и мы уселись на песок.

Поговорили о том о сем, пока обсыхали, как могли, и тут она неожиданно упала навзничь, утягивая меня за собой.

– Займись со мной любовью, – чуть ли не умоляюще потребовала она.

Я рассмеялся и пригнулся ниже куснуть в грудь. Она принялась стонать, дергать меня за шевелюру, и минут через несколько я перенес ее на подложенную одежду. От запаха женского тела я крайне возбудился и, что было сил впившись пальцами в ее ягодицы, работал как заведенный. Она вдруг взвыла, и я даже поначалу испугался, что сделал ей больно, но затем понял, что Лоррейн переживает какой-то экстремальный оргазм. Их у нее было несколько, и всякий раз она выла, а потом уже и я почувствовал, как меня медленно прорвало.

Мы пролежали там несколько часов, повторяя упражнение, когда набирались новых сил. В общем и целом, за все это время мы едва ли перекинулись полусотней слов. Ей, похоже, ничего не требовалось, кроме воя оргазма да катания двух сцепившихся тел по песку.

Зато меня раз с тысячу искусали песчаные блохи, жалившие не хуже слепня – местные зовут их *mimis*. Одеваясь, я заметил, что весь осыпан жуткими волдырями. Увязая в песке, мы добрались до того места, где оставили Салу с его подругой.

Не могу сказать, что сильно удивился, их там не обнаружив. Мы вышли на улицу, где дождались такси. Я подбросил Лоррейн к «Карибам» и пообещал позвонить на следующий день.

Три

Выйдя на работу, я поинтересовался у Салы, что случилось с его подружкой.

– Не говори мне про эту стерву. Закатила истерику... пришлось уехать. – Он сделал паузу. – А у тебя?

– Нормально, – ответил я. – Прогулялись где-то с миллю.

Он задумчиво посмотрел на меня, потом отвернулся и ушел обратно в фотокомнату.

Весь день я занимался редактированием и подготовкой чужих статей к печати. Когда уже собрался уходить, меня вызвал Тиррелл и сказал, что на завтрашнее утро поручает одно задание в аэропорту. Восьмичасовым рейсом должен прибыть мэр Майами, так что мне там надо быть и взять у него интервью. Вместо такси я решил позаимствовать у Салы машину.

В аэропорту я увидел все тех же мужичков с лисьими физиономиями, которые по-прежнему сидели у окна, поджидая самолета из Майами.

Я купил выпуск «Таймс» за сорок центов и прочитал про снежный буран в Нью-Йорке: «Парковая магистраль Мерритт закрыта для проезда... движение на метролинии Бруклин – Манхэттен отменено на четыре часа... на улицы выведена снегоуборочная техника... горой дня: оператор снегоочистителя со Стейтен-Айленд... мэр Вагнер резко критикует... массовые опоздания служащих...»

Я посмотрел в окно, на яркое карибское утро, зеленое, ленивое и солнечное, после чего отложил «Таймс» в сторону.

Рейс из Майами прибыл, однако без мэра. После многочисленных уточнений я выяснил, что его визит отменен по «медицинским показаниям».

Я направился к телефону-автомату и позвонил в редакцию. Трубку поднял Моберг.

– Нету мэра, – сказал я.

– Что?! – взвыл он.

– Говорят, болен. Писать не о чем. Что мне делать?

– В редакцию не суйся, – посоветовал он. – Тут чистый мятеж. Прошлой ночью двум штрейкбрехерам сломали руки. – Моберг издал смешок. – Перебьют нас всех. Загляни где-нибудь после обеда, к тому времени должно устаканиться.

Я вернулся в кафе и позавтракал глазуньей с беконом, ананасом и четырьмя чашками кофе. Затем, чувствуя расслабленность в теле, приятную тяжесть в животе и полнейшее безразличие к здоровью мэра – да пусть хоть в гробу лежит, мне-то что, – я неторопливо вышел на парковку и решил навестить Йимона. Он дал мне схему проезда к своему пляжному дому, но я оказался напрочь неподготовлен к песчаной дороге. Она, можно сказать, напоминала просеку где-нибудь в филиппинских джунглях. Весь путь я проделал на низших передачах. Море слева, чудовищное болото справа... Мили и мили кокосовых пальм, дощатые хибары, набитые молчаливыми туземцами с пристальным взглядом... куры и свиньи так и лезут под колеса, да еще крабы какие-то сухопутные... На первой скорости я пересекал глубокие колдобины с застоявшейся водой, безбожно трясясь по выбоинам и канавам – и впервые с момента расставания с Нью-Йорком я ощутил, что в самом деле попал на Карибы.

Косые лучи раннего солнца окрасили пальмы в зелено-золотистый цвет. Дюны отливали белесым гляncем, от которого я все время шурился, пробираясь по разбитой грунтовке. Из болота напал серый туман, а перед халупами сновали негритянки, развешивавшие постиранные вещи на оградах из палочек. Неожиданно на меня выскочил красный пивной грузовичок, доставлявший товар в «Эль кольмадо дэ Хесус Лопо»¹¹, крошечную лавчонку под камышовой крышей, что стояла притулившись к дороге на расчищенном от джунглей пятачке. Ну и

¹¹ «Продуктовый магазин Хесуса Лопо» (исп.).

наконец, через три четверти часа адской, какой-то «пещерной» езды взору открылось скопление пляжных домиков, внешне напоминавших бетонные блиндажи, устроенные вдоль кромки прибоя. Если верить описанию Йимона, я попал куда надо, поэтому свернул с дороги и проехал ярдов двадцать сквозь пальмовую рощицу к ближайшему домику.

Я просто сидел в машине и ждал, когда Йимон соизволит выйти. Его скутер был припаркован перед домом, так что я знал, что он на месте. По истечении нескольких минут ничего не произошло, поэтому я решил вылезти и осмотреться. Дверь была распахнута, однако дом оказался пуст. Вообще-то это нельзя даже назвать домом; он скорее смахивал на келью. Все жилище представляло собой одну-единственную комнату двенадцать на двенадцать футов, с маленькими оконцами и бетонным полом. Здесь царили влажная духота и сумрак, и я решил не думать, на что это будет похоже при закрытой двери.

Мне было не по себе, коль скоро я пожаловал с необъявленным визитом; не хотелось произвести впечатление любопытствующего шпиона. Я пересек дворик и направился к песчаному холму, который своей дальней, обрывистой стороной выходил на пляж. По правую руку простирались белый песок и пальмы, а прямо по носу – сплошной океан. Ярдов в пятидесяти от берега в барьерный риф бился прибой. И тут я увидел две фигурки, прижавшиеся друг к другу неподалеку от рифа. Я узнал Йимона и ту девушку, с которой прилетел на самолете. Они были наги и стояли по пояс в воде – вернее, стоял только Йимон, а она обеими ногами обвивала его за поясицу, а руками – за шею. Голова ее была откинута назад, грива светлых волос распласталась на воде.

Сценка была столь идиллическая, что мой мозг отказался ее принимать. Я просто стоял и пялился. Он поддерживал ее за пояс и медленно крутил вокруг себя. Затем я услышал звук, негромкий счастливый всхлип, и она раскинула руки в стороны подобно крыльям.

Тогда я сел в машину и вернулся к магазинчику Хесуса Лопо. Купил бутылку пива за пятнадцать центов и присел на лавочку, чувствуя себя стариком. Сцена, которой я только что был свидетелем, вызвала к жизни кучу воспоминаний – не о тех вещах, которые я совершил, а о том чего не сделал; о впустую убитых часах, тщетных надеждах и неиспользованных шансах, ныне навсегда потерянных, ибо время сожрало немалый кусок моей жизни, и вернуть его никогда уже не удастся. Я завидовал Йимону и одновременно оплакивал самого себя, потому что увидел его в такой момент, который все мое личное счастье делал тусклым и скучным.

Одинокое сидеть на лавочке под пристальным наблюдением сеньора Лопо, да еще в стране, где белый мужчина в вельветовом пиджаке не имеет не только оснований, но даже и права околачиваться в таком месте. Я просидел там минут двадцать, ежась под его взглядом, а затем поехал обратно к Йимону, изо всех сил надеясь, что они успели закончить.

Я опасливо подкрадывался к домику, но не успел я свернуть с дороги, как выскочил Йимон и раскричался.

– Убирайся! – орал он. – Не смей соваться к нам со своими пролетарскими проблемами!

Я застенчиво улыбнулся и затормозил возле патио.

– Ну, Кемп, в такую рань тебя могли привести только неприятности, – скаля зубы, сказал он. – Что произошло? Газета загнулась?

Я покачал головой и вылез.

– Просто успел разделаться с заданием.

– Молодец. Как раз к завтраку поспел. – Он кивнул в сторону домика. – Шено уже взбивает яйца... мы сами только что вернулись с утреннего купания.

Я вышел к пляжу и осмотрелся. Меня вдруг охватило страшное желание все с себя сбросить и бегом ринуться в воду. Солнце палило, и я завистливо глянул на Йимона, который носил лишь черные плавки. Стоя в пиджаке с галстуком, с потной физиономией и прилипшей к спине рубашкой, я чувствовал себя каким-то конторщиком.

И тут из домика вышла Шено. По ее улыбке было видно, что она узнала того парня, что устроил дебош в самолете. Я робко улыбнулся и сказал «привет».

– Я вас помню, – промолвила она, а Йимон залился смехом, пока я пытался придумать ответ.

Сейчас на ней было белое бикини, а распущенные волосы спускались до пояса. Ничего прежнего, секретарского, в ней не осталось; она выглядела резвым и чувственным ребенком, который в жизни не носил ничего, кроме двух полосок белой ткани и теплой улыбки. Миниатюрное создание, хотя формы ее тела были таковы, что смотрелась она крупнее: в ней не было недозрелой худосочности юных девушек, а, наоборот, в глаза бросалась округлость, словно она целиком состояла из бедер, груди, сосков и длинноволосого тепла.

– Черт, я прямо с голоду помираю, – заявил Йимон. – Что там с завтраком?

– Почти готово, – сказала она. – Грейпфрут будешь?

– А то, – ответил он. – Садись, Кемп. И хватит изображать из себя больного. Грейпфрут хочешь?

Я помотал головой.

– Бросай свои церемонии, – сказал он. – Я же знаю, что ты хочешь.

– Ладно, – кивнул я. – Давайте мне грейпфрут.

Появилась Шено с двумя тарелками. Одну она передала Йимону, вторую поставила передо мной. На ней лежал омлет, завернутый в ломтик бекона.

Я опять помотал головой, сообщив, что уже успел перекусить.

Она улыбнулась.

– Не беспокойтесь, у нас хватает продуктов.

– Да нет, серьезно, – пожал плечами я. – В аэропорту позавтракал.

– Значит, еще разок придется, – сказал Йимон. – А потом отправимся ловить лангустов... раз уж у тебя все утро свободно.

– А ты сам-то что, в контору не пойдешь? – спросил я. – Ты же говорил, дескать, репортаж про эмигрантов надо сегодня сдавать.

Он ухмыльнулся и покачал головой.

– Перебросили на другую тему, про затонувшие сокровища. После обеда намечается экспедиция с водолазами. Они утверждают, будто рядом с гаванью нашли старинный испанский галеон.

– Значит, на эмигрантах поставили крест?

– Да нет, просто отложили. Я еще к ним вернусь, когда с этим разделаюсь.

Я начал есть. Шено пришла со своей тарелкой и устроилась на полу в ногах Йимона.

– Садитесь сюда, – предложил я, отрываясь от стула.

Она с улыбкой помотала головой.

– Нет-нет, мне и тут хорошо.

– Ты сам садись давай, – скомандовал Йимон. – И вообще, Кемп, ты как-то чудно себя ведешь... Должно быть, ранний подъем тебе противопоказан.

Я что-то пробормотал насчет этикета и уткнулся в тарелку. Из-за ее ободка выглядывали колени и бедра Шено, стройные, упругие и загорелые. Она была почти что голой, но до такой степени этого не осознавала, что я почувствовал себя вконец беспомощным.

После завтрака под фляжку рома Йимон предложил отправиться к рифу и поохотиться там на лангустов. Я тут же согласился, понимая, что любое занятие будет в сотню раз лучше, нежели тупо сидеть здесь и вариться в соку собственной похоти.

У него был припасен первый комплект¹², дополненный солидным подводным ружьем со сдвоенной резиной, а мне пришлось довольствоваться маской и шноркелем, которые Йимон

¹² «Первый комплект» (жарг.) – маска, трубка и ласты.

купил для Шено. Мы доплыли до рифа, и я следил с поверхности, как он обшаривает дно в поисках лангустов. Он вынырнул, вручил ружье мне, но без ласт маневрировать было неудобно, так что я в конце концов сдался и все ныряние оставил ему. Да и нравилось мне больше на поверхности, где я мог качаться на мягкой зыби, поглядывая на белый пляж с пальмами и время от времени засовывая голову в воду, чтобы проверить, как там Йимон – он плавал подо мной в совсем ином мире, скользя вдоль дна подобно морскому чудищу.

Так мы обработали где-то сотню ярдов рифа, и тогда он заявил, что следует попытаться счастья на противоположной стороне.

– Только там надо быть повнимательнее, – добавил он, идя на ластах в сторону мелкого проливчика в рифовой стенке. – Можем нарваться на акулу, так что ты смотри в оба, пока я...

Йимон внезапно перегнулся в поясе и ушел вертикально вниз. Через несколько секунд вынырнул с огромным зеленым лангустом, махавшим клешнями на острие его гарпуна.

Вскоре он достал еще одного, и мы поплыли обратно. Шено поджидала нас на дворике.

– Вот и чудный обед, – сказал Йимон, швыряя лангустов в ведро подле двери.

– А что с ними делают?

– Да ничего не делают. Просто отрывают ноги и варят, – пожал плечами Йимон.

– Эх, – сказал я. – Жаль, мне пора.

– Тебе к которому часу в контору? – спросил он.

– Да прямо сейчас. Они ждут мой отчет про мэра Майами.

– Да пошли ты их на фиг! Посиди с нами, выпьем хорошенько, за цыплятами погоняемся.

– За цыплятами? – переспросил я.

– Ну да, все мои соседи держат кур, а те разбредаются, как хотят. На прошлой неделе, когда кончилось мясо, я убил нам одного цыпленочка. – Йимон рассмеялся. – Отличный вид спорта: с гарпуном на птицу.

– Господи, – пробормотал я. – Смотри, как бы хозяева на тебя с гарпуном не вышли, когда узнают, что ты их цыплят стреляешь...

Приехав в редакцию, я зашел в фотокомнату и сказал Сале, что вернул машину на место.

– Хорошо. Нам еще надо в университет заскочить. Лоттерман хочет, чтобы ты познакомился с местными шишками.

Мы еще поговорили, а потом он спросил, как долго я планирую жить в гостинице.

– Да надо бы уже сваливать оттуда, – ответил я. – Лоттерман сказал, что я могу снимать номер, пока не найду себе подходящее жилье, но при этом добавил, что одной недели за глаза хватит.

Сала кивнул.

– Да уж, конечно... раз он все равно перестанет за тебя платить. Если хочешь, остановись у меня, по крайней мере, пока не подберешь квартирку по вкусу.

Я задумался. Сала жил в громадной, пещероподобной комнате где-то в Старом городе на первом этаже. Высоченные потолки, окна со ставнями, а вместо кухни – одна-единственная электроплитка.

– Да, пожалуй. Ты за сколько ее снимаешь?

– Шестьдесят.

– Неплохо, – оценил я. – А я тебе на нервы действовать не буду?

– Да брось, – сказал он. – Я там почти и не бываю. Слишком уныло.

Я улыбнулся.

– Ладно. Когда этим займемся?

Сала пожал плечами.

– Да когда хочешь. Или вообще можешь сидеть в гостинице до упора. А когда он спросит, скажи ему, что переезжаешь-де завтра.

Он собрал свои фотоштучки, и мы вышли через заднюю дверь, чтобы не угодить в толпу на входе. Жара стояла такая, что я начинал обливаться потом при каждой остановке на светофоре. Лишь когда машина трогалась вновь, меня охлаждал ветерок. Сала вилял по авениде Понс-де-Леон, продираясь сквозь трафик в сторону пригорода.

Где-то в районе Сантурсы мы тормознули, пропуская стайку школьников на переходе, и они принялись над нами насмехаться. «*Ла кукарача!* – кричали дети. – *Кукарача! Кукарача!*».

Сала смущенно заерзал.

– Чего это они? – спросил я.

– Шпана малолетняя. Обзывают мою машину «тараканом», – буркнул он. – Так бы и передавал парочку-другую...

Я ухмыльнулся, откинувшись на спинку кресла. Машина мчалась вперед, и меня окружал странный, полуреальный мир. Чувство было забавным и в то же время обескураживающим. Вот он я, обитатель номера в люксовой гостинице, разъезжаю по псевдолатиноамериканскому городу в игрушечной машинке, напоминающей таракана и ревущей под стать реактивному самолету; выскальзываю из домов через задворки, трахаюсь на пляже, рыскаю в поисках пропитания в лагуне с акулами; на меня охотится местная банда, орущая на иностранном языке, – и все это творится в причудливом, старинном, испанском Пуэрто-Рико, где все поголовно платят американскими долларами, раскатывают в американских автомобилях или сидят за рулеткой, делая вид, будто находятся в Касабланке. Одна часть города напоминает Тампу, а другая – средневековый сумасшедший дом. И при этом мне платили до нелепости огромную зарплату, чтобы я слонялся туда-сюда, знакомясь с обстановкой.

Захотелось разослать письма друзьям и пригласить их сюда, всех до единого. Я подумал о Филе Роллинзе, который, высунув язык, рыщет по Нью-Йорку в поисках новостей, от заваленного снегами сабвея до бандитских разборок в Бруклине; о Дюке Петерсоне, сидящем в «Белой лошади» и ломающего голову над тем, что делать дальше; о лондонском Карле Брауни, вечно ноющем насчет климата и нехватки заказов; о Билле Миннише, который медленно, но верно спивается в Риме... Вот бы им направить телеграмму: «Скорей все сюда полно места ромовой бочке тчк работа не бей лежачего тчк денег куча тчк пей не хочу тчк трахайся до упаду тчк быстрее пока не кончилось».

Я раздумывал над этой мыслью, рассеянно следя за проносившимися мимо пальмами, чувствуя палящее солнце на лице – как вдруг меня швырнуло на лобовое стекло под дикий визг тормозов. В тот же миг поперек дороги шмыгнуло розовое такси, разминувшись с нами на каких-то шесть футов.

У Салы вылезли глаза из орбит, а на шеи вздулись вены.

– Мать честная! Нет, ты видел?! Ведь прет на красный, сволочь!

Он злобно включил передачу, и мы с ревом тронулись с места.

– Господи! – бормотал он. – Как это все уже достало!.. Нет, пора уносить ноги, пока местные скоты меня не прикончили...

Он весь трясся, и я предложил подменить его за рулем. Он даже не обратил внимания.

– Точно тебе говорю, – не успокаивался Сала. – Пора, пора сваливать... мое везенье вот-вот кончится...

Такое я от него уже слышал; думаю, он сам в это искренне верил. Сала вообще постоянно говорил про удачу и фортуны, хотя по сути дела имел в виду своеобразно упорядоченный жизненный жребий. Он его как бы чувствовал: верил в то, что на него и против него работают какие-то громадные и неподконтрольные вещи, что они растекаются и происходят ежеминутно по всему миру. Его беспокоило распространение коммунизма, потому как это означало, что люди становятся слепы к его человеческим чувствам. Его беспокоили «наезды» на евреев, потому что это означало, что людям требуются козлы отпущения и что рано или поздно они начнут срывать зло и на нем. А еще он вечно нервничал по поводу жестокости капитализма,

коль скоро его таланты подвергались эксплуатации; ему действовала на нервы идиотская вульгарность американских туристов, от которой страдала его репутация; он бесился из-за безрассудной глупости пуэрториканцев, делавшей его жизнь опасной и трудной; а еще – по непонятной для меня причине – его выводили из себя сотни бродячих собак, заполонивших Сан-Хуан.

Нельзя сказать чтобы в его нуте было много оригинального. Зато действительно уникальным был тот факт, что в Сале напрочь отсутствовало чувство отстраненности. Так футбольный фанат выбегает на поле, чтобы перехватить игрока вражеского клуба. Свою жизнь он воспринимал как Большую Игру, и все человечество для него было поделено на две команды: «Сала-со-товарищи» и «Прочие». Хотя каждый матч имел огромное значение, и он следил за такими встречами как одержимый, сам он лишь немногим превосходил просто фаната, выкрикивающего никому не слышные советы в толпе никому не слышных советчиков. Словом, подобно любому фанату, он был постоянно раздражен и обижен тем, что даже в минуту крайней необходимости максимум, что он сделает, так это выбежит на поле и совершит какое-то нарушение правил, после чего под улюлюканье толпы его уволочут охранники.

До университета мы так и не добрались, потому что с Салой приключился, можно сказать, эпилептический припадок, и нам пришлось поворачивать оглобли. Я серьезно встревожился, однако он обратил все в шутку и отказался уступить руль.

На обратном пути в редакцию я поинтересовался, как ему удалось в течение целого года не потерять работу.

Он издал смешок:

– А что им остается делать? Я единственный профи на этом острове.

Когда мы добрались до места, выяснилось, что нахальные молодчики исчезли – зато в самой редакции царил семибальный шторм. Во-первых, объявил о своем уходе Тиррелл, наша рабочая лошадка, а во-вторых, на выходе из здания профсоюзные бандиты отловили Моберга и избили его до полусмерти. В отместку за поражение, полученное от Йимона.

Лоттерман сидел на стуле посреди комнаты, стонал и причитал, покамест пара местных «фараонов» пыталась добиться от него хоть каких-то показаний. В нескольких футах от них за своим столом невозмутимо восседал Тиррелл и спокойно занимался делами. Заявление он подал, и ему оставалось дотянуть одну неделю.

Четыре

Как я и опасался, собеседование с Сегаррой обернулось полнейшей тратой времени. Почти час мы перекидывались пустыми фразами, шуточками и анекдотами. Хотя он прекрасно говорил по-английски, языковой барьер все же существовал, и я сразу понял, что никогда мы не будем понимать друг друга с полуслова. Еще у меня возникло впечатление, что он отлично разбирается в текущей жизни города, но ни малейшего понятия не имеет о журналистике. Когда он говорил как политик, речь его была понятна и логична, однако представить его в роли редактора газеты было попросту невозможно. Похоже, сам он полагал, что будет достаточно, если он знает подноготную местных событий, а вот идея передать такие знания – да еще широкой публике – показалась бы ему опасной ересью. Меня, кстати, вот что поразило во время разговора: они с Сандерсоном, оказывается, вместе учились в Колумбийском университете.

Я далеко не сразу разобрался в той роли, которую Сегарра играл в «Дейли ньюс». Хотя его называли главредом, на самом деле он был попросту никчемным бездельником, и я перестал обращать на него внимание.

Пожалуй, вот почему мне не удалось завести много друзей в Пуэрто-Рико – по крайней мере друзей, на которых я бы мог рассчитывать. Дело в том, что Сандерсон однажды очень мягко и ненавязчиво разъяснил мне, что Сегарра происходит из самых богатых и влиятельных семейств на острове и что его папаша в свое время был генеральным прокурором. Когда Ник стал главредом «Дейли ньюс», газета сразу приобрела себе множество ценных друзей.

Я никак не мог поверить, что Лоттерман оказался способен на столь изощренное мышление, однако со временем увидел, что он использовал Сегарру чисто номинально, в качестве лощеной и хорошо смазанной подставной фигуры, дабы умеющая читать общественность видела в «Дейли ньюс» отнюдь не рупор *yanquis*¹³, а славный национальный продукт типа рома или «сахарбола»¹⁴.

После нашего первого разговора мы с Сегаррой обменивались в среднем тремя десятками слов за неделю; максимум он порой оставлял ту или иную записку, воткнув ее в мою пишущую машинку. Первое время это меня вполне устраивало, хотя Сандерсон дал понять: тем, кто не пользуется благосклонностью Сегарры, светит общественное забвение.

Впрочем, на ту пору никаких амбиций у меня и не было. Я считался работающим журналистом и имел легкий доступ ко всему, что мне требовалось, включая городские балы и приемы в губернаторской резиденции с ее укромными местечками, где дебютантки высшего света голышом купались при луне.

Через некоторое время, однако же, Сегарра начал меня раздражать. Появилось чувство, будто он намеренно не дает мне ходу. Когда не приходило приглашений на вечеринки, куда бы я и сам-то не отправился, или когда я звонил тому или иному чиновнику и его секретарша под разными предлогами не хотела с ним соединять, начинало казаться, что я прокаженный, социальный пария. Само по себе это ничуть бы не беспокоило; на нервы действовал тот факт, что Сегарра злобещим образом все контролирует. Не важно, к чему я терял доступ с его подачи; главное в том, что он *способен* лишить меня доступа, пусть даже недосыгаемая вещь мне без надобности.

Поначалу я испытывал искушение пренебрежительно над этим посмеяться, отплатить ему той же монетой, и пусть он лезет из кожи вон. Однако этого я не сделал – не был готов

¹³ Янки, гринго (*исп.*).

¹⁴ Ироническое название бейсбола в латино-американских странах (Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико, Куба (до 1959 года) и т. д.). Эта импортированная из США игра расцвела на местной почве благодаря спонсорам – крупнейшим предприятиям по переработке сахарного тростника.

собирать чемоданы и опять срываться с насиженного места. Видать, постарел; я уже не мог позволить себе влиятельных врагов, не имея на руках ни одного козыря. И куда только подевался былой задор, когда я поступал как хочется, зная при этом, что в любой момент могу свалить, не дожидаясь последствий... Я устал от бегства, устал от бескозырного расклада. Как-то вечером – я в одиночестве сидел у Ала – в голову пришло, что человек способен изворачиваться и шустрить только до поры до времени. Этим я занимался последние десять лет и чувствовал, что резервы подходят к концу.

Сегарра дружил с Сандерсоном и, как ни странно – поскольку Сегарра держал меня за деревенщину и хама, – тот всячески старался быть со мной обходительным. Через несколько недель после нашего знакомства мне понадобилось позвонить в «Аделанте» насчет одного репортажа, и я подумал, что вполне могу поговорить с Сандерсоном.

Он приветствовал меня как старого приятеля и, дав необходимые мне сведения, пригласил к себе на ужин. Я настолько обалдел, что с ходу согласился. Его голос звучал настолько дружелюбно, что казалось вполне естественным провести вечер в его доме, и лишь повесив трубку я сообразил, что ничего естественного тут нет.

Добравшись на такси до указанного места, я увидел Сандерсона на веранде в компании с мужчиной и женщиной, только что прилетевших из Нью-Йорка. Выяснилось, что теперь их ждет остров Сент-Люсия и собственная яхта, которую команда перегнала из Лисабона. Некий общий друг посоветовал им заглянуть к Сандерсону, когда они окажутся в Сан-Хуане, что они, собственно, и проделали, – к его полнейшему изумлению.

– Я заказал лангустов, – сообщил он нам. – Подождем за выпивкой.

Вечер удался на славу. Нью-йоркская парочка напомнила мне о кое-каких вещах, которые я не видел уже долгое время. Мы болтали о яхтах, коль скоро я в этом деле разбираюсь, потому что довелось на них поработать в Европе, – а они тоже разбирались, так как были выходцами из мира, где, судя по всему, яхты есть у всех и каждого. Потребляли мы белый ром, который, по словам, Сандерсона дает сто очков вперед джину, и к полуночи все упились до того, что пошли на пляж плескаться в чем мать родила.

После того вечера я стал почти столь же часто появляться у Сандерсона, как и в «Аловом двореке». Складывалось впечатление, что его квартиру оформлял голливудский дизайнер для съемок фильма на карибскую тему. Она занимала первый этаж старого дома в колониальном стиле, с лепниной и штукатуркой, что стоял почти на краю города. В гостиной был сводчатый потолок, откуда свешивались лопасти вентилятора, а дверь выходила на затянутую сеткой веранду. Перед верандой имелся сад с пальмами и дорожкой, что вела напрямик к пляжу. Дом стоял на холме, и по вечерам можно было сидеть на веранде за выпивкой, разглядывая город сверху. Порой мимо проходил сияющий круизный лайнер, державший курс на Сент-Томас или Багамы.

Когда выпадала слишком душная ночь или ты слишком сильно напивался, можно было взять полотенце и пойти купаться. А потом выпить отличного бренди или, если не успел выветриться хмель, рухнуть в гостевую постель.

Только три вещи нервировали меня у Сандерсона: во-первых, он сам, потому что он был до того предупредительным хозяином, что я поневоле задавался вопросом, что с ним такое; во-вторых, Сегарра, на которого я часто там натыкался; а в-третьих, некий тип по фамилии Зимбургер, занимавший верхнюю половину дома.

Зимбургер принадлежал скорее к животному миру, нежели к людям: высокий, пузатый и лысый, с физиономией злодея из комикса. Он выдавал себя за инвестора и вечно разглагольствовал о том, что намерен понастроить здесь отелей, хотя, насколько я мог видеть, вся его деятельность заключалась в посещении по средам еженедельных собраний для резервистов Корпуса морской пехоты. Никак не мог он забыть, что в свое время дослужился до капитана.

По средам, сразу после обеда, Зимбургер надевал мундир и пил на веранде, пока не наступало время отправляться на ихний шабаш. А иногда он ходил в униформе по понедельникам или пятницам – как правило, по какому-то высосанному из пальца поводу.

– Сегодня добавочный инструктаж, – мог, например, заявить он. – Капитан-лейтенант Такой-То просил меня помочь ему провести занятия по стрелковой подготовке.

Тут Зимбургер заливался смехом и подливал себе в стакан. Пилотку свою он вообще не снимал, даже когда не высовывал носа из дому. Пил он безбожно, так что к сумеркам уже был пьян в дым и принимался орать, расхаживая по веранде или гостиной: вечно плевался в адрес «вашингтонских тряпок» за то, что не ввели морпехов на Кубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.